

© 1992 г. КАРАУЛОВ Ю.Н.

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЗАРУБЕЖЬЯ

Хватит ли тем без России? —
спросили.
Затем: Сможешь сберечь
Русскую речь
без России? —
спросили.
Ответила: Да.
Навсегда.
Ведь я из России.

Валентина Синкевич [1].

1. Исходные теоретические посылки

Язык русского зарубежья я рассматриваю как самостоятельный способ бытования русского языка, как отдельную сферу его существования, наряду с другими, достаточно автономными, его ипостасями в метрополии: современным литературно-письменным языком, устными народными говорами, мертвым языком памятников письменности, устно-разговорной разновидностью (включающей и просторечие), языком науки и техники, а также вариантами так называемой неисконной русской речи, существовавшей ранее в республиках СССР, а теперь — в СНГ [2]. "Русский язык зарубежья" представляет собой необозримую и сложную тему — как в силу своего жанрово-стилевого и функционального разнообразия и в силу исторического напластования в нем структурных и социально-психологических черт, характеризующих разные "волны" эмиграции, так и в силу его территориального варьирования в зависимости от того или иного инонационального окружения. Анализ этих, как и других, здесь не названных, его особенностей — дело будущего, поскольку круг письменных источников для его изучения необычайно широк, и библиография одних только периодических изданий [3—4] и книг [5] занимает несколько томов.

В этой статье я коснусь лишь некоторых свойств рассматриваемого феномена, трактуемых только с одной, вполне определенной исследовательской позиции. Позиция эта дает представление о "личностном аспекте" существования и использования русского языка его носителями за рубежом, причем под "личностным" я подразумеваю не сугубо "индивидуализированный", а такой аспект, который раскрывает его формальные и содержательные особенности с точки зрения структуры и функционирования типизированной, усредненной языковой личности носителя [6], т.е. "русской языковой личности", если угодно.

Структура языковой способности носителя складывается из трех уровней:

— грамматико-семантического, представленного ассоциативно-вербальной сетью, вбирающей в себя словарь и грамматику и позволяющей строить правильные словосочетания и предложения, обеспечивая тем самым "горизонтальный контекст";

— когнитивного, регистрируемого в виде иерархически организованного личностного тезауруса, который включает воплощенные в языковой форме

знания и опыт носителя и отражает его "языковую картину мира", обуславливающую "вертикальный контекст";

— и наконец, мировоззренческо-прагматического уровня, включающего совокупности языковых средств для выражения мотивов, устремлений, интересов, интенциональностей и целей говорящего/пишущего, направленных на достижение заранее заданного воздействия на слушателя или читателя.

Рассматривая последовательно единицы каждого уровня, мы соответственно получаем ответы на вопросы — как сказано, что сказано и зачем, с какой целью.

Для большинства эмигрировавших из России людей немаловажным побудительным стимулом было неприятие господствовавшего (а частично и продолжающего господствовать) языкового стандарта. Зарубежье в этом отношении снимало ограничения и позволяло говорить и писать именно то, что человек хочет выразить, не прибегая к эзоповскому языку, эвфемизмам и прочим маскировочным средствам. Поэтому различия между языком метрополии и языком зарубежья могут быть иногда акцентируемы самими авторами, особенно в части концептуальных схем и когнитивных моделей действительности, относящихся к "картине мира", а также прагматических установок — целей и "конечных смыслов" говорения/писания. В качестве основного материала для наблюдения над языком в этой статье использованы художественная проза и книжная публицистика. В стороне остался язык газет, устно-разговорная речь и поэтический язык. Художественную же прозу — для этой первой попытки анализа — пришлось ограничить еще и тематически, исключив те произведения, в которых предметом изображения является советская действительность.

2. Семантико-грамматический уровень (Ассоциативно-вербальная сеть: слово, словосочетание и предложение)

Ассоциативно-вербальная сеть носителя языка, ответственная за словоупотребление и построение правильных фраз, обладает рядом замечательных свойств, которые описаны мною в других работах [7—9]. Для наших целей важнейшим является то ее свойство, что грамматика в сети (а стало быть, и в сознании носителя) не отделена от лексики, не противопоставлена ей, как в канонических описаниях языкового строя, а синкретична со словом, разлита, "размазана" по всей сети, рассеяна в аналогических моделях словоформ и словосочетаний, являющихся ее единицами (узлами сети). Большинство говорящих не знает грамматики в традиционно-лингвистическом ее представлении, а использует в своей речевой деятельности "модельность" словоформ, дериватов, словосочетаний. Естественно-говорящий не оперирует набором правил и парадигм, а продуцирует фразу из составляющих сеть готовых словоформ и "моделей двух слов", опираясь лишь на два закона — повторяемости (т.е. прецедентности и воспроизводимости) и аналогии. Это и позволяет в нашем описании обойти традиционное противопоставление словаря и грамматики и рассматривать их в синкретическом единстве.

Дальнейшее изложение во 2-м разделе следует схеме, в которой типовые единицы данного уровня, т.е. семантико-грамматического (или единицы сети), располагаются по степени усложнения процедур, приведших к их трансформации и появлению отличий от языкового стандарта в метрополии.

Словоизменение и словообразование

На первый взгляд могло бы показаться, что каких-то отличий в образовании словоформ ожидать не приходится, ибо грамматические законы весьма консервативны и для их эволюции потребны значительные отрезки времени. Так, исключительное обилие причастий, которым характеризуется современная письменная и устная речь в России, совершенно не было свойственно русскому языку времен Пушкина,

хотя правила их образования остались теми же. То же касается и большего распространения кратких форм прилагательных по сравнению с текстами 150-летней давности [8]. Может быть, для русского языка зарубежья роль исторической протяженности во времени играет географическое пространство, но создание новых словоформ в нем по существующим аналогическим моделям можно зафиксировать, хотя статистически это явление далеко не самое распространенное в ряду варьирования единиц ассоциативно-вербальной сети. Общий принцип таких образований — сдвиг или смена аналогической модели. Ср.:

— в именах существительных: колебания в числе (мн. числа от *singularia tantum* и, наоборот, ед. числа от *pluralia tantum*), а также колебания в роде — *десятки обменов* и *баш-на-башей* [10]; *искусства* и *креда* *вцепляются друг в друга с азартом голодных псов*; *взвешивают стоимость человеческих "творчеств"*; *в силу чрезвычайно развитого у гурьев (< гурю) садистического чутья* [10]; *у меня война в изголовье, а в ногах голод и забота* [1]; *топнув ногой в черной брюке с красным лампасом* [11]; *не могла привыкнуть к маленькой, мешавшей мне протезе* [12]; ср. также образование падежных форм: *когда Хрущев, нахлебавшись сталинских щей* [10], где форма образована по другой модели и спровоцирована рифмой;

— в именах прилагательных: образование сравнительных степеней и кратких форм от относительных прилагательных, образование отсутствующих в норме притяжательных форм по аналогии — *рутинно-водопойны*; *густомыслее* и *корнеее* [10]; *я исполняла дочерину обязанности* (вм. дочернюю) [12];

— в глаголах: образование причастий от несуществующих глаголов или создание неузвучных причастных форм — *плюрализирующаяся жизнь* [10]; *все очерчено рассказано, всем восторгнуто* [13];

— встречаются фонетические варианты слов: *я сгрустнула* [12] (< *взгрустнула*).

Пассивный словарный запас носителя

Естественно, что часть активного — для "российского" русского человека — словаря перестает использоваться за рубежом, отходя в пассивный словарный запас носителей. Пополнение "пассива", как и пополнение "актива", — это нормальные и постоянные процессы языковой эволюции. В "пассив" переходят слова, обозначающие исчезнувшие или потерявшие релевантность реалии материальной и явления духовной жизни. Между пассивом и активом идет постоянный обмен: С.И. Карцевский в 1923 г. отмечал, например: "С развитием авиации возникло и укрепилось слово *летчик*, которое вытеснило постепенно иностранное *авиатор*; но *самолет* в значении *аэроплан* (по типу самокат, т.е. велосипед) не прижилось" [14]. Однако теперь мы употребляем именно *самолет*, оставив за словом *аэроплан* только специфические обозначения.

Со времен Карцевского достоянием пассива стали такие, рассматривавшиеся им как новые для периода 1905—1922 гг., слова, как *керенка* и *керениада*, *потребилка*, *отрубá*, *кинемат* (кинематограф), *совдёлыч* и *совдепшик*, *чайка* и *черезчурка* (ЧК), *чеквалап* (чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей) и *чеквалапить*, *картофелизация* и мн. др. Азёф в романе Р. Гуля о Савинкове говорит, например: "...с одним *метальщиком* нельзя выходить на Плевэ" [11], имея в виду исполнителя террористического акта, который должен *метнуть* бомбу. Это слово не входит в словарь современного языка (см. [15]), и вне контекста "распредметить" его носитель уже не сможет: оно ушло в пассив. И наоборот, в современном русском ожили полузабытые *биржа* и *биржевик*, *биржевые ведомости*, *аукцион* и *аукционер*, *приватизировать* и *приватизация*, *ферма* и *фермер*, *предприниматель*, *банкир*; лишилось отрицательных коннотаций слово *бизнесмен*, расширилась семантика и изменились фреймы, связанные с понятиями *либерализация*, *выборы*, *партия*, *кредит*, *частная собственность* и т.п.

Для русского зарубежья можно отметить два процесса в динамике взаимоотношений пассивного и активного словаря носителя языка. Во-первых, отпала надобность в таких словах, которые обозначают реалии советской общественной жизни и быта: *профорг, милиционер, дружинник, ДОСААФ, старший научный сотрудник, стенгазета*; уменьшилась частотность слов и изменились стоящие за ними фреймы ситуаций *достать* или *очередь*, *записаться* или *отмечаться*, *казак* и т.п. Во-вторых, стали более активны слова бытовой лексики, которые в литературном русском языке теперь воспринимаются как устаревшие и перешли в пассив носителей, оставшись достоянием словарей: например, *разлтый, присядка, цукать, обсуживать, разводка* (в значении разведенная с мужем женщина), *этот присест мы давно облюбовали* [13] (ср. значения и квалификацию этих слов в словаре [15]).

Сложность в наблюдении за лексикой пассивного словаря заключается в том, что для ее выявления необходимо сопоставить достаточные пространственные словники "русских" и "зарубежных" текстов. А для такого сопоставления следовало бы проделать большую собирательскую работу, которая при подготовке этого предварительного очерка не предполагалась.

Словообразование

Этот способ пополнения и развития словаря и ассоциативно-вербальной сети носителя наиболее эффективен в эволюции языка и наиболее распространен в текстах русского зарубежья. Свобода словотворчества, не сдерживаемого искусственно политическими и идеологическими тормозами, ведет к созданию новых слов, и почти каждый деривационный акт — во всяком случае, в публицистических текстах — оказывается нагруженным когнитивно (т.е. несет некоторый новый понятийный смысл) и наделенным прагматически и эмоционально, способствуя достижению определенной воздейственности на читателя. Здесь нет нужды давать хрестоматийную квалификацию приводимых ниже случаев по способам и типам словообразовательных процедур, поскольку они стандартны. В одной только публицистической книге В. Зубова [10] мною отмечено более ста пятидесяти новообразований, большинство из которых являются, однако, окказионализмами. Рассматривая их здесь как "новые слова", я исхожу из мысли А.А. Потебни, что создание слова есть только первый случай его употребления.

Примеры эти таковы: *подлецизмы и мерзавизмы, по-компартовски* (< *компартия*), *четырегонометрия* (< *тригонометрия*), *вкусопоклонники и челобитники красоты, эмигрантское отствование советского диссидентства, оккультоложество и оккультоложцы, беспрестижье, просибирены, поддакивали и подмалчивали, учмужи* (< *ученые мужи*), *линкорность* (атрибут советских генералов), *вопрекизм, назловешество, заносчивая грудьколёсость* и др. [10]; *радикальная идеократия, политическое убежденство, трагическая двоица любви и смерти* [16]; *в ожидальне* (больничной кассы), *здесь я была в укрмности* [17]; *демдвиж* [18]; *нежноротость* [19]; *скотолубчивые повелители* [20]; *догон Запада* [21]; *дылдаст, ёдово* (как *варево, жарево*), *лукозерье* (< *лукоморье*) [13]; *несчастнослучайники* [22] и др.

Заемствования

Употребление иностранных слов, не освоенных языком и не проникших в широкий круг текстов, — явление, которое в равной мере прослеживается и в российских текстах, и в текстах русского зарубежья. Различия — в самих этих словах: за рубежом в этой роли оказываются часто не те слова, которые используются в России. То же касается и собственно иноязычных вкраплений, входящих в русский текст на языке оригинала, которые мы тоже, хотя и условно,

включаем в данный разряд единиц ассоциативно-вербальной сети. Именно единицы, маркируемые как заимствования, наиболее ярко отражают территориально-варьирующееся влияние инонационального окружения носителей русского языка, будь то французская, английская или немецкая языковая среда. Ср. у С.И. Карцевского: "Мы нередко наблюдали, что русские интеллигенты, напр., студенты, живя в Швейцарии, говорили *гутцировать* (< *gouter* — для обозначения 5-часового чая), тогда как простые люди, напр., прислуга, завезенная за границу, образовывали слово *гутекать*" [14].

Рассмотрим некоторые примеры передаваемых русской графикой иностранных слов, отметив, что стилистическая их функция — создавать эффект привязки дискурса к точному (геонациональному) месту и акцентировать явное или неявное противопоставление русского и не-русского: амер.: *на хайвеях*, *скеттинг-ринг*, *стаффаж* [13]; *коммонсенс*, *коммонсенщина* и *материцина* [10]; *заниматься шопингом* [23]; *коктейль-парти* [18]; *инглиш* [19]; *дрифтеры* [1] и др.; франц.: *высочайше утвержденный дюрюсс с петушками* [16]; *дортюар* [17]; *эколь дэ шарт*, *шартистка* [18]; нем.: *паркен*, *фишен* [13]; *апфелькухен* [11]; афг.: "*Афганец верит в Аллаха и дерется за свою ватан, а мы в Аллаха не верим и деремся, чтоб отобрать у него ватан*" [22] (*ватан* "родина" — К.Ю.); евр.: "*Обрывки фраз там, обрывки строк здесь, и вот уже бизнес, и вот уже цимес, и уже цорес, и кадохес*" [10]; *А, зохен вэй!* [22].

Что касается иноязычных вкраплений, то их количество определяется жанром текста: в публицистике их больше, в художественной литературе меньше, причем в публицистике это, как правило, "модели двух слов", своеобразные понятия-паттерны, тогда как в художественных произведениях это скорее указатели, т.е. уточняющие время, место или функцию элемента текста — надписи, названия, фреймы. Вот некоторые примеры: *столь же wishful thinking*, *соль и common sense* [10]; "*Российская интеллигенция — типичная секта, то, что французы называют petite religion*" [16]; *держат экзамен brevet* [17]; "*Будет для Андрея message? longe distance разговор*"; *Klein, aber mein* [13] (надпись); "*Фредерикс любил mots*" и *засмеялся* [11] и т.п.

Семантическое переосмысление

Процессы семантического переосмысления и развития значений слов столь же активны в исторической эволюции языка, как и в его метаморфозах за рубежом. Я выделяю здесь три типа переосмыслений.

Во-первых, это отрицательные коннотации, которые приобретают в зарубежных русских текстах все, считавшиеся в России вплоть до "перестроечных" времен сугубо положительными, советские политико-идеологические термины и идеологически окрашенные слова. И наоборот, лишаются отрицательного семантического ореола слова, обозначающие явления и факты, осуждавшиеся официальной идеологией. Одновременно многие вещи, скрывающиеся в СССР, никогда не называвшиеся своими собственными именами, в зарубежных текстах обретают аутентичную номинацию, например, *карательная медицина* [24].

В известном смысле маятник переоценки значений большой группы слов и понятий качнулся в сторону, противоположную той, которая имела место в России и в СССР, когда говорили (в 20-х годах) *о белогвардейской сволочи*, *буржуазной клике и своре*, *наемниках Антанты и мирового капитала*, *белогвардейских бандах и золотопогонниках* (а советские солдаты в Афганистане в 80-х годах поют белогвардейские песни — К.Ю. [22]); *о похабном Брестском мире*, *о копошащихся гнидах империализма и ревизионизма*, *место которым на свалке истории*, и наоборот, когда самыми ходовыми прилагательными положительной оценки были *красный*, *трудовой*, *социалистический*, *советский*, *революционный*, *рабоче-крестьянский*, *пролетарский*, *идеологический*, *коммунистический*.

Надо сказать, что такого рода переосмысление происходит и в российском общественном сознании и отражается на страницах печати в России со второй половины 1991 г. (после августовского путча особенно).

Рассмотрим некоторые примеры из зарубежных текстов: *советские бонзы, арестантский тракт истории СССР, Молох коммунизма, черное поле социалистического размаха, мленистское мировоззрение* (< марксистско-ленинское), *"говейская" власть* [10]; *революционное идолопоклонство, социалистическая олигархия, от "черного" до "красного" один шаг, коммунистическое крепостничество* [16]; *коммунист у нас слово ругательное, плохое слово* [18]; *правлящий в СССР коммунистический класс* [25]; *мазохистское разоблачение недостатков в Советском Союзе, опереточные оппозиционеры, игра в оппозицию* [21] и т.п.

Второй тип переосмысления реализуется на именах собственных, и функционально он ориентирован на придание слову отрицательного смысла и отрицательной коннотации, часто прямо противоположных традиционно положительной оценке этого имени. Способ этот стар как мир и всегда использовался в полемических целях и христианскими проповедниками, и в революционной риторике со времен Великой Французской революции. В русском политическом языке он получил особенно широкое распространение с начала XX в., в том числе в ленинских текстах, во многом определивших стилистику советского политического языка: *Деника-воин, либерданствовать* (< *Либер* и *Дан*) и т.п.

Переосмысление имен, граничащее с каламбуром, довольно часто и в разговорной речи. Карцевский отмечает: «Смотри, семашка ползет!» (за подписью комиссара народного здоровья Н.А. Семашко распространялись афиши с призывом уничтожать вшей и клопов); «Вот так Стучка!» Имя г-жи Колонтай дало *колонтаить...*» [14].

В зарубежных текстах такой способ переосмысления чаще всего мы встречаем в публицистике: *Америка скроена не по-Махачкаласски; Мракс и великие мраксятя; о какой новой трагедии сталинских Агод, концлагерных прерий и берий, абакумовств на верхах можно говорить* [10].

Видимо, вариантом данного способа следует считать чисто словообразовательный прием создания от известных имен новых слов, обозначающих отверженцев и последователей, но с использованием каждый раз ненормативной для исходного имени модели: *"Встают диссиденты против властей, друг против друга, ...появились гумилёфовцы против блочкистов, цветайцы против ахматуев, мандельштамисты вопреки пастернацам, растроповцы назло вишневестым, бродкисты супротив коржянцев..."* [10].

Если два первых охарактеризованных способа переосмысления слов заряжены в основном эмоционально когнитивным моментом и их итогом становятся, как правило, окказиональные образования и неологизмы, то третий представляет собой эмоционально нейтральный, классический, так сказать, путь развития, расширения семантики уже известных слов, бытующих в языке, который присущ эволюционно-временной перспективе языка. Перечень слов, подвергшихся такому переосмыслению, в появившейся в поле моего зрения литературе невелик.

Сожительница: *"Ни с одной из сожительниц я не сблизилась..."* [17]. В современном словоупотреблении это слово обозначает женщину, живущую вместе с мужчиной вне законного брака. В цитируемом тексте происходит расширение его значения до *"проживающие совместно"* (в данном случае в доме отдыха).

Кабинет: *"Отец Беатрисы не оставался с женой в кабинете, а подходил к нам..."* [17]. Речь идет на самом деле о кабине для переодевания на пляже.

Ребяческий: *"...правы те, кто считает его ребяческим чудачком"* [17], т.е. чудачком с ребяческими замашками, с чертами ребячества. Здесь происходит расширение сочетаемости прилагательного, которое в современном узусе может

относиться к свойствам (*ребяческие выходки*) или состояниям человека (*ребяческое блаженство*), но неприложимо к словам—названиям лица.

Соглядайтй: "Я пришла... от нечего делать, да еще из некоторого любопытства, и сразу превратилась в критикующего соглядайтй." [12]. *Соглядайтй* — это человек, тайно высматривающий нечто с целью использовать информацию во вред тому, за кем ведется наблюдение. В цитированном же сочинении слово употреблено в своем этимологически чистом, без коннотаций значении и выступает полным синонимом слова *наблюдатель* или *зритель*.

С аналогичным расширением значений подчеркнутых слов мы встречаемся во фразах: "...и принялся жевать столбняком (т.е. стоя как столб. — К.Ю.) заплесневелые макароны" [20]; "...малолетняя шантрапа копошилась в бассейне асухомятку" [13] (в бассейне не было воды. — К.Ю.); "...она явно шиковала своими лингвистическими знаниями" [12] и др.

Словосочетание и предложение

Грань, отделяющая изменения в лексической и синтаксической сочетаемости слов от изменения значений единиц, составляющих такие словосочетания, довольно зыбка и в известной мере условна. Как трактовать, например, следующее, необычное для современного российского русского соединение слов, в котором сема "юности, молодости" в одном из них приходит в противоречие с семой "старости" — в другом? — "...чемодан, в котором новобрачная бабушка приехала некогда свое имущество..." [17] — как изменение сочетаемости или расширение значения прилагательного?

Выше, говоря об изменении значений идеологически окрашенной лексики, я рассматривал подобные сдвиги семантики как раз в словосочетаниях, в "моделях двух слов". В сфере лексики бытовой, политически нейтральной различия могут обнаруживаться в управлении, ср.: "...стал подбирать и бросать на отца камешки..." [17]; или: "...болезнь, *ребяческое блаженство* в санатории, безграничный ужас, последовавший *блаженству*..." [17], где стандартное словопотребление требовало бы скорее предлога *за*. Наоборот, предложное управление появляется там, где современные российские норма и узус предполагают винительный без предлога: "...когда видишь комический сыск за несуществующими ересями" [16]. Иногда замена одного из слов в связанном сочетании на его синоним создает эффект "остранения", граничащий с "ошибкой": "...во мне могло бы взойти опасение..." (< возникнуть); или: "Хозяйка долго ломалась *пустить*" [13] (< ломалась, не пуская или не хотела *пустить*). Аналогично неузвальная вариативность управления во фразе "*Тротуаром* останавливались люди" [11].

Правила согласования — семантического и синтаксического — в случае их нарушения могут приводить к появлению необычных словосочетаний: *апельсиновый цвет заката* [13] — несколько неожиданное для русского восприятия захода солнца, как, впрочем, и сочетание *беженская вечеринка* [13].

Той тенденции, которая характеризует современные российские художественные и политические тексты, а именно, тенденции к обильному использованию в них бессубъектных конструкций разного рода [2], в зарубежных русских текстах в целом не отмечается. Однако есть случаи образования безличных глагольных форм от слов, обычно таких форм избегающих: "*Вход в нее* (в библиотеку, — К.Ю.) *не запрещался, но советовалось заходить туда только в случае...*" [17].

3. Когнитивный уровень языковой способности (элементы "картины мира")

В качестве элементов данного уровня я рассматриваю такие единицы текста, с помощью которых говорящий/пишущий обозначает определенные концептуальные (по функции) или ментальные (по природе) — структуры, отражающие его мировидение. Составляющаяся из них картина мира, или тезаурус (мир) личности, имеет тенденцию к последовательной иерархической организованности¹, хотя на деле строгости и полноты не достигает. Он никогда не бывает логически непротиворечивым и завершенным (ведь процесс познания и роста суммы знаний не останавливается), а, наоборот, характеризуется известной мозаичностью и прихотливостью. В языковом плане эта неизбежная человеческая непоследовательность и вытекающая из нее динамика тезауруса выражаются в том, что каждой единице с объективно логическими свойствами, занимающей определенное место в иерархии концептов мира, противостоит в том же тезаурусе единица иного рода, окрашенная субъективными представлениями и предпочтениями, личностным отношением, эмоционально-оценочными коннотациями, ситуативным состоянием духа.

Поэтому соотношение элементов тезауруса можно представить в виде двух следующих параллельных рядов текстовых единиц:

Логически мотивированные концепты	vs. Каламбуры (в том числе игра слов, рифма в прозе и т.п.)
Генерализованные высказывания	vs. Фразеологизмы (в том числе пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения)
Дефиниции	vs. Парадоксы
Фреймы	vs. Метафоры

Если единицы левой колонки стремятся к логической строгости и упорядоченности, то единицы правого столбца, даже имея в виду один и тот же денотат или сигнификат, разрушают эту системность, придают тезаурусу динамику, окрашивают его позиции скепсисом, иронией, юмором, часто нося амбивалентный характер. Проиллюстрируем хотя бы на единичных примерах эти соотношения.

Концепты vs. каламбуры

Мафиекратия [10] (то же понятие, хотя без употребления именно этого термина, в [16, 25] и [21]), а соответствующие каламбуры — *шантажультничество до шантажужности; вотчина, да с червоточиной* [10].

Друговость [10] vs. *протестуозность; с лидуркически распахнутыми сердцами* [20].

Массмодернизм [10] vs. *его дарование науеадко; культурегери и талантулы* [14].

Церквизм vs. *право-славие, ставшее оплотом и славословием политической правоты; митрополитиканство*.

Идеократия vs. *проповедогандировать; на посту духократства и духокрадства* и мн. др.

Генерализованные высказывания vs. Фразеологические выражения

Генерализованные высказывания представляют собой некоторые обобщающие суждения, содержащие относительно простые житейские правила, формулы поведения и оценки, афоризмы и сентенции, отражающие естественные нормы здравого смысла. Те же обобщение и оценка ситуации заключены в во фразеологизмах, но генерализованные высказывания однозначны, являются авторским образованием,

¹ Иерархия в устройстве мира — это такая же априорная категория человеческого сознания (или бессознательного), как пространство и время.

создаваемым на случай, и образно-эмоциональный момент для них факультативен. Фразеологизмы же, как известно, это общезыковая, повторяющаяся и воспроизводимая формула, приложимая к самым разнообразным, в том числе и противоположным ситуациям, т.е. поливалентная, с обязательным образно-эмоциональным компонентом.

Понятно, что в художественной литературе генерализованные высказывания могут касаться всех без исключения сторон человеческой жизни, от сугубо индивидуальных и интимных — до социально-политических и философских: *не надо жаловаться; нельзя быть эгоистами* [17]; *«Говорят, будто "кесарю — кесарево" есть первая канонизация оппортунизма: жалость к ближнему спасает от обидной жалости к самому себе* [13]; *«Так-то, сударь, все великое-то в миг рождается, — бабушка (здесь "бабушка" русской революции — Брежневская. — К.Ю.) раскатисто засмеялась»* [11] и т.п. Подобные афоризмы могли прозвучать на любом языке и в разные времена, и то, что они принадлежат русским персонажам, живущим и действующим за границей, практически не накладывает на них какого-либо своеобразия.

Иное дело такого рода выражения (и соответственно, концептуальные структуры) в публицистике: *коммунизм — не атеизм, но религия атеистических псалмов* [10]; *убеждения не только притупляют ум — они изгоняют совесть* [16]; *зрелое коммунистическое общество по преимуществу консервативно* [21] и под.

Что касается фразеологизмов в широком смысле слова, то поскольку они являются воспроизводимыми речениями, ожидать различий в их употреблении можно по двум линиям: по составу фразеологии, употребляемой сейчас в России и за рубежом, и по приложимости той или иной фразеологической формулы к определенным жизненным ситуациям, событиям, фактам, явлениям. В качестве эталона сравнения нельзя, конечно, брать весь фонд русской фразеологии, в котором одни только идиомы составляют 8 тысяч единиц [26] и на фоне которого те 100 ФЕ, которые извлечены мною из вошедших в библиографию зарубежных текстов, составляют каплю в море. Поэтому я сопоставил фразеологию в зарубежных источниках с той активной сегодня в сознании русских частью фразеологического фонда, которая вошла в "Русский ассоциативный словарь" [26], отражающий живую ассоциативно-вербальную сеть, т.е. воплощающий реально функционирующую языковую способность современного носителя языка. Словарь фиксирует 17 тыс. вхождений ФЕ, среди которых 2,5 тыс. разных [28].

Проведенное таким образом сравнение резюмировалось в общем довольно тривиальным выводом. Оказалось, что зарубежные русские авторы, принадлежащие (фактически) к первой волне эмиграции (Р. Гуль или Л.Д. Ржевский), не используют ФЕ, активных в ассоциативно-вербальной сети современного носителя: почти ни один — из двухтомного романа первого из них и книги рассказов второго — не вошел в упомянутые 2,5 тыс. фразеологизмов в "Русском ассоциативном словаре". Ср.: *на один крюк всего не повесишь; хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю* [13]; или: *на что Касьян взглянет, все вянет; один горюет, артель воет; зайца на барабан не выманишь* [11] и мн. др.; или: *хороша старина, да и бог с ней* [16] и т.п. Интересно, что в мемуарно-дневниковом жанре фразеология практически отсутствует. Так, в трехтомном издании дневников И.А. и В.Н. Буниных [29] встретился лишь один фразеологизм: *горе рака красит* — по поводу "покраснения" русских (пленных и беженцев во Франции) по мере приближения победы России в войне с Гитлером.

И наоборот, авторы из второй и третьей волн эмиграции тяготеют почти исключительно к набору ФЕ, вошедших в ассоциативно-вербальную сеть среднего носителя языка наших дней: *первая ласточка; наломать дров и сесть в лужу; как кость в горле; хлопнуть дверью; бельмо на глазу; голод не тетка, жажда не тесть* [23, 18, 30, 21, 22].

Необходимость введения в текст логически построенного определения появляется тогда, когда соответствующее понятие в тезаурусе автора несколько отличается от общепринятого или когда автор хочет выделить некую сторону определяемого понятия, которой обычно не придается значения. Парадокс — это как бы антидефиниция, т.е. по форме это то же определение, но через противоположное определяемому понятие, что придает всему выражению эмоциональную окраску. Давать дефиниции и строить парадоксы — прерогатива публицистов, хотя, надо сказать, этих способов эксплицирования единиц своего тезауруса не чуждаются и писатели. Ср.: *"Ностальгия — это и есть прежде всего одиночество, помноженное на неродные березки"* [13]; *"Демократизм как установка души — это и есть терпимость к друговости..."* [10] и т.п.

Парадоксы охватывают по сути те же понятия, которые подвергаются когнитивному переосмыслению и переформулированию в связи с дефинированием: *"В условиях коммунизма экономическая неэффективность оказывается даже экономически выгоднее обществу"* [21]; *"Истинная радость в мире падшем достигается на пути крестном"* [16]; *"Творец искусства может быть нетворческим человеком, талантливый литератор или художник — неталантливым человеком"* [10] и под.

Фреймы vs. метафоры

Фреймы, т.е. типовые когнитивные структуры, соответствующие распространенным и общепонятным, обычно не вербализуемым в деталях ситуациям в речевом коллективе, в речевой общности, которой принадлежит говорящий, могут различаться и быть непонятны тогда, когда имеется в виду ситуация, способ действий в которой не известен представителям иной речевой общности. Подобные случаи расхождений в понимании ситуации и связанных с ней поведенческих автоматизмов возникают при встрече с иной культурой или национальными традициями.

Фреймов, не известных широкому русскому читателю в России, в зарубежных текстах в целом немного. В языковом выражении фрейм может быть представлен либо одним словом, либо словосочетанием. Рассмотрим некоторые из них.

Укрутка [18] — это одновременно и новое для российского читателя слово, и фрейм, который обозначает такую процедуру, когда на заключенного (в тюрьме или психлечебнице, а именно из такой "речевой общности" слово вышло на страницы массовой печати) наматывают в несколько слоев мокрую парусину, которая по мере высыхания сжимается, причиняя невыносимую боль. Интересно, что в словаре Ж. Росси [31] этого термина нет, а есть *рубашка* или *смирилка*, причем последнее слово покрывает своим значением и фрейм *укрутка*.

Аналогично не вполне ясными в деталях для российского читателя окажутся фреймы *памятник по подписке* [13] или *прощание* [13], т.е. ритуал расставания с гостями, который имеет различия и в европейских культурах, и разнится между Европой и Америкой.

Метафорический строй русской зарубежной прозы характеризуется резкими отличиями и общезначимостью метафоры, пожалуй, лишь в политико-публицистических текстах. В художественных произведениях метафора камерна, она является сугубо авторским сиюминутным образованием, не претендующим на когнитивную общезначимость и глобальное воздействие на читательский тезаурус. Надо сказать, что и по количеству метафор публицистика держит первое место по отношению к художественной прозаической речи. Анализ русской политической метафоры 1990 — первой половины 1991 годов [32] показал излюбленные сигнификативные сферы, к которым тяготеет воображение публицистов и политиков при осмыслении ими реалий российской жизни и общественно-

политических коллизий в стране, т.е. позволили выделять феномены, в свете которых преимущественно и оцениваются актуальные события и факты. Сферы эти таковы: война, путь, строение, персонификация, механизм, театр, игра и др.

Если сравнивать зарубежную метафорику (в объеме того небольшого материала, который удалось посмотреть) с современной российской, то бросается в глаза прежде всего приглушенность военной метафоры при выдвижении на первый план метафоры персонификации. Из общего числа более сотни извлеченных из текстов метафор персонификационные занимают четвертую часть, тогда как на долю военных приходится 18%. Ср.: "...написано специально о наших православных тиранах сомнения и инакомыслия"; "...это не только несправедливо, это бесчеловечно — выткать кляп в рот творческому импульсу" [10] и военные: "... до тех пор, пока Ленин остается работоспособным, то есть еще может диктовать, Сталин весьма серьезно занят его блокадой" [33]; гуманитарные ученые (в СССР. — К.Ю.) родились под бомбами психологической нетерпимости [10].

Прочие типы сигнификативных метафорических сфер распределяются более или менее равномерно между полями "животный мир" («...русское "культурное зарубежье" представляет из себя враждующие территории, на которых царствуют "крупные самцы" мировоззрений и художественного вкуса» [10]); "организм" и "одежда" ("Антибольшевистский идеологический шарф старой эмиграции не смог прикрыть все ту же знакомую мне волосатую манию насильственных политических решений, присущую советским коммунистам" [10]); "растение" (на стебле власти [10]); "театр" (грандиозные спектакли советского руководства, устраиваемые с целью одурачить Запад [21]) и др.

В таком распределении обращает на себя внимание отсутствие — на фоне современной российской метафоры — таких наиболее активных в ней сегодня сигнификативных сфер, как "механизм" (винтик, гайка, рычаг, приводные ремни и т.п.); "путь" (повороты, подъемы, ухабы, перевалы); "строительство" (прорывы, цемент, перекрытия, стена).

Но наиболее показательные, может быть, различия обнаруживаются при сопоставлении денотативных областей метафоры в российской печати и зарубежной, т.е. не того, как, с помощью чего метафорически осмыслиется (с чем сравнивается) то или иное явление, событие, факт или лицо, а именно что подвергается метафорическому представлению, каковы сами эти явление, событие, факт или лицо. Если в России с максимальной интенсивностью метафорическими концептуальными структурами описываются политическая деятельность, экономика, идеология, перестройка, КПСС, СССР, рынок, межнациональные отношения, республики, то в зарубежной русской публицистике и состав, и предпочтительность объектов метафоризации оказываются иными. Так, экономика, экономические отношения, хотя являются предметом изучения в ряде работ [25, 21], метафор почти не порождают. Если сгруппировать извлеченные мною из текстов метафоры по областям действительности, к которым они относятся и которые характеризуют, и расположить их по убыванию числа метафор, к ним относящихся, мы получим цепочку, которая имеет минимальные пересечения с приведенной выше для российской метафоры: 1) тоталитарный режим в СССР; 2) КПСС, власть КПСС, лидеры; 3) официальная коммунистическая идеология; 4) эмиграция, эмигранты, диссиденты; 5) православие; 6) оккультные течения (в СССР и за рубежом), их лидеры и adeпты; 7) наука в СССР; 8) искусство и литература (русская литература, соцреализм, русское искусство и культура за рубежом) и их представители.

Проиллюстрируем названные зоны метафоризации:

1) "Тоталитарное лоно вскармливает антагонистические противоречия с тою же непреложностью, с какой кипение проявляется в пузырях"; "...существует особая полярность между авансценой "добрых намерений" и спертými кулисами эмоций ненависти" [10];

2) "...по-компартовски фартовая теократия и светская мафиократия составляют единый кулак, сжимающий одновременно и молот индоктринации и серп кары за мировоззренческие отклонения от массово-идеологической нормы бытия"; "Летела труха от ранее набитых слепым идеализмом народа — кукол советских богов с политбюровских тайных вечерь" [10];

3) "Такое размножение мировоззрений/вер было, как читатель легко может понять, — невозможно на огороде официальной идеологии, где коммунизмоцентрированная и слепленная слюной русско-советского шовинизма вера окончательно окостенела в полый догматизм и костыльную ритуальность" [10];

4) "По крайней мере 20 лет до своего появления на Западе те, кого мы назвали адептами провинциального авторитаризма — подставляли спины и затылки под фуганки и рапили советского быта и коммунистической идеологии" [10];

5) "...под иным по видимости флагом русского православия было то же тоталитарное древо" [10];

6) «Культ этот (теплохранительство духа. — К.Ю.) представляет собой конгломерат оккультистских мудростей, кредо и символов веры, вербального каждения вокруг "великих имен" и психологического падания ниц перед сбивающими тебя с ног тайнами» [10];

7) "Советское юношество...ныряет в науку, как Иванушка-дурачок в кипящее молоко" [10];

8) "Эти люди вокруг плоти искусства, распространяющие пропагандистки-восторженное жуужжание вокруг тех, кто обладает способностью стилировать. Они как мухи, обирающие эстетический пот"; "В идеологической кичливости соцреализма или в стилистической браваре неконформизма тоталитарный человек размахивает иконой нормативности как пращой"; "...русская литература в альманахе сведена к па языком, представая в роли дизитического гарнира к ликеру"; "Королина (и ее муж Взашейн) воспринимают искусство как что-то вроде белых перчаток на кухне политического быта" [10].

4. Прагматический уровень. ("для чего" и "для кого")

Единицы этого уровня языковой способности (или языковой личности носителя), ориентированные на воздейственно-оценочную функцию, весьма разнообразны и многочисленны. По своей природе они являются единицами затекстовыми или надтекстовыми, в том смысле, что для их декодирования, для их распрямления необходимо выходить за рамки конкретного текста. В их составе я числю, например, пресуппозиции, играющие важную роль прежде всего для формирования структуры художественного произведения, для выстраивания его композиции; ключевые слова, определяющие движение сюжета (если он есть); способы аргументации в авторском дискурсе и в речи персонажей [9]; а также прецедентные тексты культуры, т.е. широко распространенные, известные практически каждому носителю данного языка и данной культуры явления литературы, живописи, скульптуры, зодчества, музыки, народного творчества, — известные, часто воспроизводимые в общении и текстах и поэтому воспринимаемые по намеку, одному выразительному штриху или даже косвенному упоминанию.

Для данной задачи — характеристики русского языка зарубежья — я хотел бы наметить лишь несколько "прагматикалий", выбрав именно их для последующего детального рассмотрения не потому, что они могли бы претендовать на универсальность, а в силу их, как мне представляется, наибольшей показательности, наибольшей дифференцирующей значимости для анализируемых текстов и максимальной близости к ответу на вопросы, взятые в скобки в названии этого раздела.

Прежде всего следовало бы рассмотреть мотивы и настроения, которыми проникнуто творчество зарубежных русских писателей. Я отдаю себе отчет в том, что тот небольшой список источников, который вошел в библиографию

статья, явно недостаточен для указанной цели на фоне существующих, созданных сорок [34, 35] или двадцать лет назад [36] обзоров, а тем более на фоне современных, находящихся в состоянии подготовки исследований. Так что эта задача — на некоторую перспективу.

Тем не менее уже сейчас можно говорить о таком прагматическом показателе, как главный герой русской зарубежной литературы. Как правило, это эмигрант, за сложными перипетиями судьбы которого стоят напряженные размышления о России, о своем предназначении и смысле жизни, о роли и ценности эмиграции (эмиграции как процесса и как состояния). И оценочная шкала колебаний здесь оказывается настолько широкой, что на одном ее полюсе помещается безоговорочная апология эмиграции [37, 38] с анализом того культурного и духовного вклада, который она внесла в историю русской и мировой цивилизации, тогда как на другом конце — уничтожающая филиппика [10] в адрес ее политических и культурно-этических позиций. Естественно, с богатой гаммой переходов между двумя этими экстремумами.

Одним из центральных и неизбежных мотивов художественной литературы является мотив ностальгии, который столь разнообразен в своем языковом проявлении, что его воплощение можно обнаружить, наверное, в единицах всех трех уровней языковой способности, рассмотренных в этом этюде. Далее, большое место занимает в русской зарубежной литературе образ чужой страны и людей, а в связи с этим образом и на его фоне отчетливо вырисовываются черты русского национального характера, увиденные совсем иначе и другими глазами, чем это позволяет сделать позиция российского русского писателя.

Думается, что весьма показательным будет анализ прецедентных текстов, которыми оперирует автор и его персонажи. Различия в их составе и количестве значительны и определяют как жанром произведения, так и принадлежностью автора к той или иной эмиграционной волне. Писатели старшего поколения используют (с разными целями — аргументации, эмоционального воздействия и даже для выражения основной идеи своего произведения) широкую палитру имен персонажей, названий и цитат из русской литературы. Например, Л.Д. Ржевский, чтобы усилить свое ощущение от восприятия им своего друга и его состояния на чужбине, прибегает к цитате из рассказа Л.Н. Толстого "Люцерн": "Седьмого июля 1857 года в Люцерне перед отелем Швейцергофом, в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий в продолжение получаса пел песни и играл на гитаре. Около ста человек слушало его. Певец три раза просил всех дать ему чего-нибудь. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним" [13]. Исключительным обилием упоминаний, отсылок, цитат из русской литературы XIX и XX вв. (в том числе советской) отмечены дневники Буниных [29], причем рассыпанные по разным годам тонкие замечания об отдельных произведениях, сжатые и точные формулировки, иногда убийственные оценки могли бы составить специальную антологию. Такое основательное и глубокое включение русской литературы в свой мир мы найдем у В.Н. Ильина, Р. Гуля, Л.Д. Ржевского. У авторов, представляющих третью волну эмиграции, например, в [10, 23, 33, 30, 22], и круг ассоциируемых прецедентных текстов, и их состав, как и мотивы обращения к ним, оказываются уже, чем у писателей старшего поколения.

Наконец, интересные результаты могло бы дать наблюдение и интерпретация того, как русские зарубежные авторы называют свои произведения, т.е. семиотика заглавий. У того же Ржевского в сборнике рассказов разных лет символика их названий отчетливо коррелирует с некоторыми из выделенных здесь "прагматикалий". Так, "Малиновое варенье" — и в тоне рассказа, и в его названии — несет в качестве доминирующей ностальгическую ноту; "Полукрылый ангел" символизирует русскую интеллигенцию и русского интеллигента за границей; он "полукрылый", ему "не взлететь"; "За околицей" — значит за границей,

вне родины; то же "Через пролив"; через пролив аятор-рассказчик приехал навестить своего старого друга, как и он живущего за границей, но и через пролив находится Россия; "Полдюжины талантов" — это как бы типично русский характер, обладающий массой высоких задатков, ни один из которых так по-настоящему и не раскрылся; и т.п.

Я отдаю себе отчет в том, что высказанные в статье соображения о возможных аспектах изучения языка русского зарубежья ни в коем случае не исчерпывают всех возможностей. Тем более статья не претендует на то, чтобы представить развиваемый в ней подход к проблеме как наиболее эффективный. Я надеюсь, что материал статьи и идеи вызовут интерес у специалистов и привлекут внимание к обсуждаемой теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Синкевич В. Здесь я живу. Филадельфия, 1988.
2. Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.
3. Русская эмиграция в Европе: сводный каталог периодических изданий, 1855—1940/Établi par Tatiana Ossorguine-Bakounine. P., 1976.
4. Русская эмиграция в Европе: сводный каталог периодических изданий. 1940—1979/Établi par Anne-Marie Volkoff. 2-е éd., refondue. P., 1981.
5. Библиография русской зарубежной литературы. 1918—1968/Сост. Фостер Л.А. V. 2. Boston, 1970.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
7. Караулов Ю.Н. Морфология в ассоциативно-вербальной сети носителя языка // Русский язык и литература в общении народов мира: Материалы VII конгресса МАПРЯЛ. М., 1990.
8. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского. М., 1992.
9. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М., 1992.
10. Зубов В. (Victor Emyutin). 16-я республика СССР. (О советской эмиграции на Запад). San Francisco, 1982.
11. Гуль Р. Генерал БО. Т. I. Берлин, 1929.
12. Волкова Е. Обьедки. Р., 1987.
13. Ржевский Л.Д. За околицей. Рассказы разных лет. Тель-Авив, 1987.
14. Карцевский С.И. Язык, война и революция. Берлин, 1923.
15. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1952—1965.
16. Ильин В.Н. Религия революции и гибель культуры. Р., 1987.
17. Волкова Е. Быль и небыль. Перемены. Париж, 1991.
18. Буковский В. Почему русские сороятся? // За чей счет?: Сборник полемических статей / Ред.-сост. Фельштинский Ю. Тель-Авив, 1986.
19. Темкин М. В обратном направлении. Париж, 1989.
20. Козов В. Поименное. Париж, 1988.
21. Зиновьев А. Горбачевизм. N.Y., 1988.
22. Рыбаков В. Афганцы. Л., 1988.
23. Коржавин Н. За чей счет? Открытое письмо Генриху Бёллю // За чей счет?: Сборник полемических статей / Ред.-сост. Фельштинский Ю. Тель-Авив, 1986.
24. Подрабинек А. Карательная медицина. Нью-Йорк, 1979.
25. Земцов И. Частная жизнь советской элиты. Л., 1985.
26. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Словарь-справочник по русской идиоматике (Машинная версия). Ин-т русского языка РАН. М., 1992.
27. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.А., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь (Машинная версия). Ин-т русского языка РАН. М., 1992.
28. Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Фразеология в ассоциативном словаре // ИАН СЛЯ. 1992. № 6.
29. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Грин. М.: В 3 т. Frankfurt-a. M., 1977—1982.
30. Тмарченко А. Свобода мнений и уважение к истине // За чей счет?: Сборник полемических статей / Ред.-сост. Фельштинский Ю. Тель-Авив, 1986.
31. Росси Ж. Справочник по Гулагу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций, связанных с принудительным трудом / Предисл. Безансона А. Л., 1987.
32. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.
33. Штурман Д. В.И. Ленин. Что нужно знать о? Р., 1989.
34. Тхоржевский И.И. Русская литература. Париж, 1950.
35. Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956.
36. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. V. 1—2. Р., 1971—1973.
37. Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. 2-е изд. Нью-Йорк, 1981.
38. Зернов Н.М. Захваченные годы. Р., 1981.